

Хроники Яромира

Карта не совпадает



Яромир Исетский

Яромир Исетский

Хроники Яромира:

«Карта не совпадает»

<https://litres.ru/74234032>

SelfPub; 2026

Аннотация

Первая книга цикла «Хроники Яромира», который продолжает традиции «Хроник Амбера» Роджера Желязны. Действие происходит в современном Екатеринбурге.

Главный герой — Яромир Исетский, внук Корвина из Амбера и сын Мерлина из Хаоса. Он не претендует на трон и не участвует в войнах. Его дело — Архив. Он записывает то, что скрыто от глаз обычных людей. Но однажды Архив сам начинает говорить с ним — и Яромир понимает, что его город, который он считал просто Тенью, пробуждается и обретает собственную волю.

Теперь за Уралом пристально следят и Амбер, и Хаос. Яромиру предстоит решить, что для него важнее: верность королевской крови или защита дома, который стал реальнее любого королевства.

«Карта не совпадает» — это городское фэнтези с элементами мистики, где древняя магия встречается с современными технологиями, а голос Города звучит громче королевских указов.

Содержание

Предисловие	4
Глава 1. День, когда всё началось	6
Глава 2. Последний дар Корвина	19
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Хроники Яромира: «Карта не совпадает»

Предисловие

Некоторые семьи передают по наследству земли. Некоторые — долги. Моя семья передала мне историю.

Тот, кого вы знаете как Роджера Желязны, был не просто писателем. Он был летописцем, которому доверили голос. Через него мой дед, Корвин из Амбера, поведал миру о Войне Престолонаследия. Через него мой отец, Мерлин из Хаоса, рассказал о Войне с Логрусом. Эти хроники стали классикой, и я склоняю голову перед мастером, который первым взялся за перо. Без него наш мир остался бы лишь тенью, невидимой для посторонних глаз.

Но история не заканчивается на пятой книге. Она продолжается — тихо, незаметно, вдали от Янтарного Города и Дворов Хаоса. Она продолжается здесь, на Урале, в городе, который я называю домом.

Меня зовут Яромир Исетский. По крови я принадлежу и Амберу, и Хаосу — сын Мэрлина, внук Корвина, правнук Оберона и Дары. Но по выбору я — Хранитель Архива. Я не ношу корону, не командую армиями и не претендую на трон. Моё оружие — слово, моя крепость — вот этот блокнот,

в котором никогда не заканчиваются страницы.

То, что вы прочтёте дальше, — не официальная история. Это моя хроника. Хроника Тени, которая отказалась быть тенью. Хроника города, который обрёл собственный голос. Хроника войны, которая велась не мечами, а алгоритмами, генетическими кодами и древними клятвами. И, в конечном счёте, хроника выбора между семьёй и домом — выбора, который определил всё.

Желязны дал слово моему деду и моему отцу. Теперь слово переходит ко мне. Я не обещаю объективности — я слишком вовлечён в эти события, чтобы притворяться беспристрастным. Но я обещаю правду — такой, какой я её видел, чувствовал и записывал в Архив.

Располагайтесь удобнее. Мы начинаем. — Яромир Исетский, Хранитель Архива Екатеринбург, наши дни

Глава 1. День, когда всё началось

Мне было десять. Десять лет — это возраст, когда мир ещё кажется простым, даже если твой отец — принц Хаоса, а дед — легенда Амбера. Я тогда не думал о Лабиринте, Логрусе и прочих материях, которые заполняют мою жизнь позже. Я думал о том, как сдать контрольную по математике, почему старый «Москвич» во дворе соседа не заводится уже третий месяц, и отчего отец всё чаще молчит, глядя в окно.

Отец в тот год почти не покидал дом. Не то чтобы он стал затворником — просто его работа, которую он называл «консультациями», всё чаще требовала его присутствия где-то там, куда я не мог зайти. Мерлин из Хаоса, гениальный программист и маг, создатель Колеса-Призрака, король, отказавшийся от трона, — для меня он был просто папой, который иногда слишком долго смотрит на пустую стену и забывает, что суп на плите кипит уже полчаса.

Мы жили на улице Декабристов, в старом купеческом особняке, который достался отцу по линии каких-то дальних родственников, никогда не бывавших в Амбере. Дом был большим, скрипучим и полным книг. Книги были везде: на полках, на подоконниках, на лестнице. Отец говорил, что бумага хранит тепло, и я верил ему. В доме всегда пахло старыми страницами и немного кофе.

В тот день шёл дождь. Не тот уральский ливень, что сби-

вает с ног, а мелкий, нудный, октябрьский. Мне исполнилось десять, и я ждал гостей. Точнее, одного гостя. Отец сказал, что будет сюрприз, и я гадал, что бы это могло быть. Может, новая книга о космических пиратах? Или поход в планетарий?

Он пришёл, когда я уже перестал ждать. Просто открылась входная дверь — без стука, без звонка, — и на пороге возник человек, которого я до этого видел только на старых фотографиях. Высокий, сухой, с сединой в чёрных волосах и глазами цвета уральского малахита. Корвин из Амбера. Мой дед.

Отец поднялся из-за стола. Они не обнялись — в нашей семье не принято демонстрировать чувства. Они просто обменялись взглядами, и я понял, что разговор, который должен был состояться, уже состоялся. Без меня.

— Яромир, — сказал дед вместо приветствия. Голос у него был низкий, с хрипотцой, как у человека, который много говорил в молодости, а потом научился молчать. — Расти большой.

И он протянул мне нож.

Не игрушечный, не сувенирный. Настоящий. Рукоять из тёмного дерева, гладкая, будто отполированная сотнями прикосновений. Клинок — сталь с едва заметным узором, похожим на морозный рисунок на стекле. Я потом узнаю, что этот узор — не просто украшение. Это руны, выкованные мастером, который знал толк в магии задолго до того, как

мой дед впервые прошёл через Огненный Путь.

— Спасибо, — выдавил я, не зная, куда деть руки.

— Не благодари. Береги. Это твой первый клинок. — Он помолчал, потом добавил: — У меня когда-то тоже был первый.

Я сидел на старом диване, вертел нож в руках и не мог отвести взгляд от лезвия. В нём отражался огонь из камина, и казалось, что внутри металла что-то движется. Дед сел напротив, в то самое кресло, которое позже станет «его креслом» — тяжёлое, купеческое, купленное ещё прежними хозяевами. Отец остался стоять у окна, скрестив руки на груди. Он всегда так стоял, когда не хотел, чтобы кто-то видел его эмоции.

— Ты знаешь, почему мой клинок зовут Грейсвандир? — спросил дед, глядя в огонь.

Я покачал головой.

— Это не просто имя. Это суть. Грейс — грация, изящество. Та лёгкость, с которой меч ложится в руку и начинает двигаться, словно он — продолжение твоей воли. А «вандир» — тот, кто идёт. Клинок, который движется с грацией. — Он повернулся ко мне, и пламя камина отразилось в его зрачках, сделав их на мгновение алыми. — Знаешь, где его выковали?

— В Амбере? — предположил я.

— Нет. — Он покачал головой. — В Тир-на-Ног'тх. Это город-призрак, отражение Амбера в небе. Он существует

только при лунном свете. Мой Грейсвандир был откован на первых ступеньках тамошней лестницы — лестницы, которая ведёт никуда и отовсюду одновременно. Мастер, что его ковал, добавил в сталь мою кровь. Кровь принца Амбера. Потому что в нашей крови хранится узор Огненного Пути. Понимаешь?

Я не понимал. Но кивнул. Дед усмехнулся — он видел, что я вру.

— На лезвии выгравирован фрагмент самого Пути. Это не просто украшение, Яромир. Благодаря этому Грейсвандир способен на то, чего не может обычный меч. Он видит призраков. Не просто видит — он может с ними сражаться. И с теми, что выходят из Огненного Пути, и с теми, что просачиваются сквозь Логрус. — Он помолчал. — А ещё он помогает пройти через повреждённые участки Пути. Если ты когда-нибудь окажешься там и поймёшь, что дорога под ногами рушится, — такой клинок будет единственным, что удержит тебя на краю.

— А почему ты рассказываешь мне это сейчас? — спросил я.

— Потому что когда-нибудь ты встретишь свой клинок. Или свой артефакт. И ты должен знать: настоящая сила — не в стали. Она в том, что ты готов отдать, чтобы её получить. — Он бросил взгляд на отца. — Твой отец знает это лучше меня.

Отец не ответил. Но его плечи чуть заметно напряглись.

— Грейсвандир — не просто меч, — продолжил дед, снова глядя в огонь. — Он — спикарт. Древний магический артефакт, который когда-то принял форму клинка. Таких, как он, во всех Тенях — единицы. И каждый из них когда-то был чем-то иным. Грейсвандир выбрал меня. Как когда-то Вервиндль выбрал Бранда. Как, возможно, что-то выберет тебя.

Он поднялся. Разговор был окончен.

— Расти, Яромир. И помни: клинок — это продолжение воли. Если твоя воля тверда, клинок не подведёт.

Он ушёл так же внезапно, как появился. Его неизменный чёрный автомобиль ждал у ворот, двигатель урчал низко, почти беззвучно. Я смотрел, как машина отъехала и скрылась за пеленой дождя, и думал о том, что дед приезжал не ко мне. Он приезжал к отцу. А нож оставил мне, потому что так было нужно. Не из сентиментальности — Корвин из Амбера никогда не был сентиментален. Из расчёта. В его мире всё было расчётом, даже любовь.

Вечером я не мог усидеть дома. Слишком много мыслей, слишком много вопросов. Я накинул куртку и вышел пройтись. Ноги сами понесли меня в сторону Оперного театра — я любил тот сквер за тишину и старые липы, которые осенью становились похожи на золотые колонны.

Она лежала у входа в сквер. Прямо на мокром асфальте, свернувшись клубком. Немецкая овчарка — точнее, щенок, месяца четыре от роду. Чёрная, с редкими серыми подпалинами на груди, которые напоминали мазки кистью. Она не

скулила, не дрожала — просто лежала и смотрела на прохожих. Те проходили мимо.

Я остановился. Не из жалости — из любопытства. В ней было что-то странное. Взгляд. Так смотрят не брошенные собаки. Так смотрят часовые на посту — спокойно, внимательно, без страха.

— Ты чья? — спросил я, присев на корточки.

Она подняла голову. Посмотрела мне в глаза. И я вдруг почувствовал, как кольнуло в груди — не больно, но ощутимо. Словно кто-то тронул струну, о существовании которой я не подозревал. Много позже я узнаю, что так отзывается Лабиринт, когда рядом оказывается существо, связанное с твоей судьбой. Но тогда я просто подумал, что проголодался.

— Пойдём, — сказал я.

Она встала и пошла за мной. Без поводка, без команды, без колебаний. Словно ждала именно меня. Словно знала, что я приду.

Отец встретил нас на пороге. Я ожидал удивления, может быть, недовольства — всё-таки привести в дом бездомного пса, не спросив, это не самый вежливый поступок. Но он просто посмотрел на щенка, потом на меня, и в его глазах мелькнуло что-то, чего я тогда не понял. Теперь я знаю, что это было. Узнавание.

— Ты знаешь, кто это? — спросил я.

— Пока нет, — ответил он. — Но узнаю.

— У неё нет имени, — сказал я.

— Имя — не главное. Главное — она здесь. Остальное придёт.

Первый урок

Отец никогда не учил меня магии. Во всяком случае, не так, как учат в школах — с учебниками, формулами и строгими наставниками. Его уроки были другими. Они вплетались в обычные разговоры, в прогулки, в моменты, которые только спустя годы я научился распознавать как обучение.

Через неделю после того, как щенок появился в доме, я впервые увидел, как она остановилась у калитки и долго смотрела в пустоту. Просто стояла и смотрела. Уши — торчком, шерсть на загривке — дыбом. Я проследил за её взглядом. Ничего. Только старый фонарь, который мигал через раз.

— Она что-то видит, — сказал я отцу за ужином.

— Конечно, видит, — ответил он, не отрываясь от книги.

— Она — немецкая овчарка. У них слух в четыре раза острее нашего, а нюх — в сорок. Она слышит, как трава растёт. Но то, что она видела у калитки, — он отложил книгу, — это не звук и не запах.

— А что тогда?

Он посмотрел на меня долгим взглядом, потом перевёл его на щенка, который спал у камина.

— Ты знаешь, что такое Тень?

— Это когда свет загроаживают, — ответил я, чувствуя, что вопрос не так прост.

— Это одно из значений, — кивнул он. — Но есть другое. В мире, откуда я родом, Тень — это реальность. Вернее, бесконечное множество реальностей. Каждая — отражение настоящего мира, Амбера. И чем дальше от центра, тем сильнее искажения.

— Мы живём в Тени? — спросил я.

— Да. В очень, очень далёкой Тени. Настолько далёкой, что иногда кажется, будто мы на другом краю вселенной. Но... — он помолчал, подбирая слова, — в последнее время мне кажется, что эта Тень начала меняться. Словно что-то просыпается.

— И она это чувствует?

— Она не просто чувствует. Она — часть этого. Ты не случайно нашёл её, Яромир. И она не случайно пошла за тобой. Просто запомни это. И когда-нибудь поймёшь.

Больше он ничего не сказал. Но в ту ночь я впервые записал в дневник — не Архив, а простой школьный дневник, который вёл для себя — несколько строк о том, что наш мир, возможно, не единственный. И что мой щенок видит больше меня.

Первое предупреждение

Спустя месяц после появления щенка я впервые столкнул-

ся с тем, что позже научусь называть аномалией.

Мы гуляли в сквере у Оперного. День был серый, ветреный, листья кружились в воздухе, как золотые монеты. Она бежала впереди, но вдруг остановилась. Не так, как обычно — не замерла, пригнувшись. Она застыла так, словно наткнулась на невидимую стену. Шерсть на загривке встала дыбом. Из горла вырвался низкий, утробный рык — я никогда не слышал такого от четырёхмесячного щенка.

— Ты чего? — позвал я.

Она не отреагировала. Смотрела в одну точку — на пустую скамейку под старым вязом.

Я подошёл ближе. Скамейка была пуста. Но когда я сделал ещё шаг, то почувствовал это. Холод. Не ветер, не мороз — а какой-то другой, глубинный холод, который шёл не снаружи, а изнутри. Словно кто-то открыл дверь в погреб, о существовании которого я не знал.

Потом я увидел тень. Она лежала на земле, но не совпадала ни с одним предметом. Просто тёмное пятно на сером асфальте. И оно двигалось — медленно, как масляное пятно на воде, ползло в сторону деревьев.

Щенок зарычал громче. Тень замерла. А потом исчезла — просто растворилась, словно её и не было.

— Ты видел? — спросил я, хотя спрашивать было некого.

Она перестала рычать. Подошла ко мне, ткнулась носом в ладонь. И впервые за всё время она дрожала.

Вечером я рассказал отцу. Он выслушал молча, не пере-

бивая. Потом подошёл к камину, помешал угли и сказал:
— Это только начало.
— Чего начало? — спросил я.
— Город просыпается. И ты, похоже, один из тех, кто это чувствует.

Больше он ничего не объяснил. Но в тот вечер я долго сидел у окна и смотрел на улицу. На фонари, которые мигали в такт дыханию. На тени, которые теперь казались мне не просто теньями.

Имя для волчицы

Прошло три дня после того странного случая в сквере. Я почти убедил себя, что ничего не было. Что тень мне помешалась, что щенок просто испугался шума машин, что холост был просто сквозняком. Но что-то внутри меня знало правду. И она тоже знала. Она стала осторожнее. Не боязливой — именно осторожной. Она теперь всегда садилась так, чтобы видеть вход. И спала, положив голову на лапы, готовая в любой момент вскочить.

Я сидел на кухне и вертел в руках нож, подаренный дедом. Вспоминал его слова. Грейс. Тот, кто идёт с грацией. Я посмотрел на щенка, который спал у камина. Она была грациозна. Даже во сне — какой-то особенной, хищной грацией. Каждое движение, каждый поворот головы — словно она знала, что делает, и не делала лишнего.

— Грейс, — произнёс я вслух.

Она тут же открыла глаза, словно слышала. Посмотрела на меня. И медленно моргнула.

— Будешь Грейс, — сказал я.

Она фыркнула — коротко, одобрительно — и снова положила голову на лапы. Словно согласилась. Словно ждала этого имени все эти дни.

Так в доме на Декабристов появилась немецкая овчарка с именем, которое было данью клинку из легенд Амбера. Я не думал тогда, что она станет не просто питомцем. Я не думал, что однажды она встанет между мной и хаоситом, не зарывав, а просто оскалившись, и этот оскал окажется убедительнее любого оружия. Я не думал, что она будет лежать у моих ног, когда я буду писать эту хронику, и что её спокойное дыхание станет для меня единственным напоминанием о том, что мир всё ещё реален.

Но всё это будет потом. А пока она просто спала у камина, и её дыхание смешивалось с шорохом дождя за окном. А я сидел и думал о деде, о его клинке, о том, что значит «идти с грацией». И о том, что этот день, кажется, изменил всё.

Тень, которая смотрит в ответ

Той же ночью мне приснился сон. Станный, яркий, не похожий на обычные сны.

Я стоял на площади перед Оперным театром. Вокруг ни

души. Город был пуст — неестественно, абсолютно пуст, как декорация. Даже ветер молчал. И в этой тишине я услышал звук. Низкий, ритмичный — словно огромное сердце билось где-то под землёй.

Я пошёл на звук. Он привёл меня к старому особняку на улице Декабристов — к нашему дому. Дверь была открыта. Я вошёл. В гостиной у камина сидел я сам — только старше, с сединой в волосах. Рядом лежала она — взрослая, сильная, седая на морде. И она смотрела на меня — на того, что стоял в дверях, — и в её взгляде было узнавание, которое пересекает время.

— Ты пришёл, — сказал я-старший, не оборачиваясь.

— Что это за место? — спросил я.

— Это не место. Это время. Момент, когда ты впервые понял, что мир не такой, каким кажется. Я запомнил его. — Он повернулся. Его глаза — один зелёный, один синий — смотрели на меня без враждебности, но и без тепла. — Иди. Просыпайся. И записывай. Всё, что увидишь. Всё, что почувствуешь. Это важно.

Я проснулся оттого, что Грейс лизала мне руку — теперь уже с полным правом нося своё имя. За окном светало. Дождь кончился. Я встал, умылся и впервые за долгое время открыл обычную тетрадь, чтобы записать то, что видел во сне.

Тогда я ещё не знал, что через несколько лет получу Архив от деда. Но, кажется, уже начинал понимать, кем мне

предстоит стать.

Так закончился тот день — день моего десятилетия. День, когда дед подарил мне первый клинок и рассказал о Грейсвандире. День, когда я нашёл щенка и дал ему имя. День, когда я впервые столкнулся с Тенью и понял, что город — не просто город.

Тогда я ещё не знал, что шесть лет спустя дед вернётся. И что вторая его встреча изменит всё.

Глава 2. Последний дар Корвина

Некоторые подарки не дарят — их оставляют на пороге, зная, что ты не сможешь отказаться. Именно так я получил свой Архив.

Мне было шестнадцать. Грейс с того самого октябрьского дня жила у нас уже почти шесть лет и из неуклюжего щенка вымахала в серьёзную, умную собаку, которая понимала без слов, когда нужно просто быть рядом. В тот вечер она лежала у камина, но не спала — её уши то и дело подёргивались, улавливая что-то за пределами моего слуха.

Отец в последние пару лет всё чаще бывал дома. Не то чтобы он стал домоседом — просто его «консультации», похоже, требовали больше подготовки и меньше разездов. Я к тому времени уже привык, что он может сидеть в гостиной, глядя в одну точку, и молчать часами. Но в тот вечер его молчание было другим. Оно давило. Я чувствовал: что-то должно произойти.

Дверь открылась без стука. Он просто вошёл, стряхивая капли дождя с длинного чёрного пальто. Я не видел его с того самого дня рождения — шесть лет назад. Дед почти не изменился. Те же зелёные глаза, которые, казалось, видели всё на свете и ничему не удивлялись. Только седины прибавилось, и двигался он чуть медленнее, словно каждое движение теперь имело цену. Грейс подняла голову и посмотрела на него

так, как смотрела на всех незнакомцев, — оценивающе, без тени страха. Дед выдержал этот взгляд и чуть заметно кивнул. Не знаю, что между ними произошло, но Грейс снова опустила голову на лапы — приняла.

Отец поднялся с кресла. Я думал, они обнимутся, или хотя бы пожмут друг другу руки. Но они просто посмотрели друг на друга — и в этом взгляде было всё. Десятилетия вражды, примирение, невысказанные слова и, может быть, что-то похожее на усталую любовь.

— Пришёл попрощаться? — спросил отец. Голос его был ровным, но я знал этот тон. Так он говорил, когда что-то причиняло ему боль.

— Пришёл отдать то, что должен, — ответил дед.

Он повернулся ко мне. И впервые за весь вечер я увидел в его глазах не просто спокойствие. Я увидел усталость. Глубокую, древнюю, как сам Лабиринт.

— Яромир. Садись.

Я сел. Модель «Москвича», которую я начал собирать ещё в школе, так и осталась стоять на краю стола — забытая, пыльная. Дед опустился в кресло напротив, и оно скрипнуло под его весом. Отец отошёл к окну и встал там, скрестив руки. Его лицо было спокойным, но я слишком хорошо его знал: когда Мерлин из Хаоса скрещивает руки, он удерживает что-то, что лучше не выпускать.

— У меня мало времени, — начал дед. — Поэтому слушай внимательно.

Он не тратил слов на пустое. Он положил на стол две вещи. Кожаный блокнот с потёртыми краями — от него пахло временем, старой бумагой и чем-то ещё, что я не мог опознать. Много позже я узнаю, что этот блокнот был создан Фионой по просьбе самого Корвина — артефакт, который никогда не заканчивается, потому что история никогда не заканчивается. И кольцо. Простое, стальное, с тёмным узором, в котором угадывалась старая звезда — не амберская, не хаоситская. Чужая.

Я потянулся к перстню, но он остановил мою руку своей — твёрдой, как корень старого дерева.

— Прежде чем ты его возьмёшь, знай: это кольцо помнит степной ветер и голос, который древнее Лабиринта. Его касалась рука, не знавшая ни Амбера, ни Хаоса. Рука, что держала огонь задолго до того, как мой отец начертил первый Узор. Я не скажу тебе, где это случилось. Если тебе суждено — ты узнаешь сам. А пока просто знай: оно будет холодеть, когда рядом проявится то, что не принадлежит этому миру. Лабиринт, Логрус, или что-то ещё — ему всё равно. Оно — твой компас в Тенях. Не потеряй его.

— И что мне с ним делать? — спросил я. В шестнадцать лет вопрос «что мне с этим делать» кажется самым важным. Сейчас я понимаю, что важнее было спросить «зачем ты отдаёшь это именно сейчас».

— Слушать. И записывать.

Он поднялся. Я думал, что он скажет что-то ещё — про

отца, про Амбер, про то, почему он выбрал именно меня. Но он просто кивнул отцу и направился к двери. На пороге он на мгновение остановился.

— Береги его, — сказал он, обращаясь не ко мне, а к отцу.

— Берегу, — ответил тот. — Как умею.

Дверь закрылась. Его неизменный чёрный автомобиль ждал у ворот, двигатель урчал низко, почти беззвучно. Я смотрел, как машина отъехала и скрылась за пеленой дождя, и думал о том, что этот вечер что-то изменил. Не в моей жизни — в моей судьбе.

Отец подошёл к столу. Взял перстень, повертел в руках.

— Знаешь, что это? — спросил он.

— Дед сказал — компас.

— Это больше, чем компас. Это ключ. Не потеряй его. —

Он помолчал, потом добавил: — И не дай ему уйти в тень.

Я не понял тогда, о ком он — о деде или обо мне. Теперь, пятнадцать лет спустя, я знаю ответ. Он говорил о нас обоих. Обо всех нас, кто балансирует на грани между Порядком и Хаосом, между долгом и свободой, между прошлым и будущим.

Кольцо Крови

В ту ночь я долго не мог уснуть. Сидел у камина, вертел в руках перстень, и думал о том, что дед сказал «компас», а отец — «ключ». И то, и другое означало, что теперь у меня

есть два кольца. Одно — этот перстень, подарок деда. Второе — то, что отец вручил мне два года назад, когда мне исполнилось четырнадцать.

То кольцо было совсем другим. Чёрный родий, тёмный камень, который в покое казался обсидианом. Я помню, как отец позвал меня в кабинет — не в тот, где он работал, а в малый, где хранились старые книги и артефакты, о назначении которых я мог только догадываться. Он достал из ящика стола маленькую шкатулку, обитую бархатом, и протянул мне.

— Это Кольцо Крови, — сказал он. — Раньше, в Амбре, пользовались Картами — колодой, нарисованной моим дедом Дворкином. Карты позволяли говорить с кем угодно в любой Тени и при желании перемещаться к собеседнику. Теперь Карты — редкость, да и неудобны они в мире, где у каждого в кармане смартфон. Мы с твоей тётёй Фионой разработали это.

Он показал мне, как активировать его: нужно повернуть кольцо вокруг пальца три раза, думая о том, с кем хочешь связаться. При входящем контакте камень начинает светиться и холодеть — не так, как перстень Хранителя, а иначе. Мягче. Будто кто-то положил тебе руку на плечо.

Я тогда спросил, почему именно кольцо, а не приложение или что-то ещё. Отец усмехнулся — той самой усмешкой, которая появлялась у него, когда речь заходила о технологиях, — и ответил:

— Потому что кольцо нельзя взломать, потерять или разрядить. Магия, сын, всё ещё надёжнее кода.

В тот вечер, когда дед ушёл, я достал Кольцо Крови из шкатулки и надел его на правую руку. Два кольца. Два проводника в невидимый мир. Я посмотрел на Грейс, которая спала у камина, и подумал: интересно, что бы сказал дед, если бы узнал, что его внук носит не только подарок шамана, но и технологию, созданную его дочерью и внуком?

Первая запись

На следующее утро я открыл Архив. Блокнот лежал на столе, и его страницы, казалось, ждали. Я провёл пальцем по первой странице — она была тёплой, как будто только что побывала на солнце.

— Ну, и что мне с тобой делать? — спросил я вслух.

Грейс, лежавшая у камина, подняла голову и посмотрела на меня так, словно хотела сказать: «Пиши».

Я взял ручку. Обычную, шариковую, купленную в канцелярском на углу. Поднёс к бумаге. И на мгновение мне показалось, что ручка сама потянулась к странице — так магнит тянется к металлу.

Я написал первую строчку: *«Меня зовут Яромир Исетский. Я внук Корвина из Амбера и сын Мерлина из Хаоса».*

Ничего не произошло. Я продолжил: *«Вчера мой дед подарил мне этот блокнот и перстень. Он сказал, что я дол-*

жен слушать и записывать. Пока я не знаю, что именно».

И вот тут что-то изменилось. Перстень на левой руке едва заметно потеплел. Не заledenел, не обжѐг — просто потеплел, словно кто-то сжал мою ладонь в знак одобрения. Я посмотрел на страницу. Чернила, которыми я писал, на мгновение вспыхнули — не огнём, а каким-то внутренним светом, как будто в них пробудилась искра.

— Ты видел? — спросил я Грейс.

Она медленно моргнула. Я воспринял это как «да».

Я закрыл блокнот и положил его на стол. Теперь у меня был не просто дневник. Теперь у меня был Архив.

Разговор с Фионой

Прошло несколько дней. Я всё ещё привыкал к тому, что на моих руках два кольца, а на столе — блокнот, который, кажется, ждал от меня большего, чем просто заметки. Перстень холодел всё чаще, но я не понимал, что именно он пытается мне сказать. Мне нужен был совет — но отец, как всегда, был немногословен, а дед исчез так же внезапно, как появился.

Тогда я вспомнил о Кольце Крови.

Был поздний вечер, камин почти догорел, Грейс спала на своём обычном месте. Я покрутил чёрное кольцо на правой руке, вспоминая инструкции отца. Три поворота, думать о том, с кем хочешь связаться. Я закрыл глаза и представил

Фиону — тётю, которую видел всего пару раз в жизни, но чьё имя часто звучало в разговорах отца. Учёная, исследовательница Лабиринта, создательница Архива.

Камень в кольце замерцал, и передо мной — нет, не передо мной, а где-то в сознании — возник образ. Женщина с острыми чертами лица, в зелёном костюме, сидящая за столом, заваленным свитками и планшетами одновременно. Она подняла голову и улыбнулась — не тепло, скорее, с любопытством.

— Яромир? — её голос звучал так, будто мы говорили по телефону с идеальной связью. — Твой отец говорил, что ты можешь выйти на связь. Рада, что ты воспользовался кольцом.

— Здравствуйте, тётя Фиона, — я всё ещё не привык к таким разговорам. — Я хотел спросить... Дед подарил мне Архив. И перстень. Но я не совсем понимаю, что с ними делать.

— Архив — это не просто блокнот, — ответила она, и в её голосе появились те самые интонации, с которыми учёные читают лекции. — Это артефакт, который я создала по просьбе твоего деда. Он связан с самой структурой Теней. Когда ты пишешь в нём, ты не просто фиксируешь события — ты закрепляешь их в реальности. То, что записано в Архиве, становится... скажем так, более настоящим.

— А перстень?

— Перстень — это не моя работа. Его природа... иная. Старой, как сам Урал. Я не знаю точно, где Корвин его взял,

но могу предположить, что это связано с Аркаимом. Там есть места, где границы между Тенями истончаются до предела. — Она помолчала. — Ты знаешь, что Урал — особенное место?

— Отец говорил что-то такое.

— Твой отец знает больше, чем говорит. Но я скажу тебе то, что он, возможно, упустил. Урал — одна из немногих Точек Соприкосновения. Здесь Лабиринт и Логрус не враждуют. Они сосуществуют. Именно поэтому твой дед выбрал это место для вашей семьи. И именно поэтому Город... проявляет себя.

— Вы знаете о Городе?

— Я знаю, что Тени иногда обретают собственную волю. Это редкое явление, но не уникальное. Если Город заговорил с тобой — значит, ты ему нужен. Слушай его, Яромир. Но будь осторожен. Не все, кто услышит этот зов, придут с добрыми намерениями.

Она попрощалась, и образ исчез. Я остался сидеть у камина, переваривая услышанное. Артефакт, закрепляющий реальность. Точка Соприкосновения. Город, который говорит. И предупреждение о тех, кто может прийти.

Грейс подняла голову и посмотрела на меня. В её взгляде было что-то, что я не мог расшифровать. Но теперь я знал: она чувствовала то же, что и я.

Голос в тишине

Прошла неделя. Я привыкал к тому, что теперь на моих руках два кольца, а на столе — блокнот, который, кажется, ждал от меня большего, чем просто заметки. Я писал туда всё, что казалось мне странным: странное поведение Грейс на прогулке, холодильник на лестнице старого дома, тень, которая мелькнула в окне, хотя за окном никого не было.

Отец наблюдал за мной. Не вмешивался, не спрашивал — просто смотрел. Однажды вечером, когда я сидел у камина и записывал очередную мелочь, он подошёл и сел рядом.

— Как перстень? — спросил он.

— Молчит, — ответил я. — Иногда теплеет. Но ничего особенного.

— Особенное — впереди, — сказал он. — Ты чувствуешь только то, что на поверхности. Но со временем научишься различать оттенки. Холод, тепло, покалывание — у каждого явления свой почерк. Как у кода. Только этот код невозможно взломать.

— Ты говоришь о магии, как о программировании.

— Потому что магия — это и есть программирование. Просто вместо единиц и нулей — Узор и Логрус. Вместо интерфейса — реальность. — Он помолчал. — Ты знаешь, почему я выбрал эту Тень?

Я покачал головой.

— Потому что здесь, на Урале, Лабиринт и Логрус соприкасаются. Не враждуют, не борются — просто соприкасаются, как две реки, которые текут в одном русле. Это редкое место. Возможно, единственное. И твой дед выбрал его не случайно. Как и я.

— Ты думаешь, дед знал, что здесь будет происходить?

— Дед всегда знает больше, чем говорит. Но это не значит, что он всегда прав. — Он встал. — Продолжай записывать. И доверяй перстню. Он не подведёт.

Он ушёл, а я остался сидеть у камина, глядя на огонь. Грейс положила голову мне на колени. Перстень на левой руке чуть заметно потеплел — словно в ответ на слова отца.

Подземный переход

Прошло ещё несколько дней. Я решил, что пассивно ждать — не лучшая стратегия. Если Город говорит, я должен научиться слушать. Если аномалии происходят — я должен их видеть. Я начал с Плотинки — места, где, как говорил отец, Лабиринт и Логрус соприкасаются особенно тесно.

Был вечер. Я припарковал «Волка» у театра и пешком спустился к подземному переходу. Обычный спуск — бетонные ступени, облезлые перила, запах сырости. Но уже на третьей ступени я понял, что что-то не так. Звук. Вернее, его отсутствие. Мои шаги не отдавались эхом. Они просто исчезали, едва коснувшись бетона, словно стены впитывали звук.

Перстень на левой руке начал холодеть. Не резко, не обжигающе — а медленно, неотвратимо, как вода, которая поднимается в подвале во время паводка. Я достал нож, подаренный дедом, — тот самый, с рунами на клинке. Просто на всякий случай.

Внизу, где переход раздваивается, я увидел тень. Она лежала на полу, но не совпадала ни с одним предметом. Просто тёмное пятно, которое двигалось — медленно, как масляное пятно на воде. Я сделал шаг вперёд. Тень замерла. А потом я услышал шёпот. Не слова — просто звук, похожий на ветер, но ветра в подземном переходе не было.

Я стоял и смотрел, как тень медленно ползёт вглубь туннеля — туда, где не было выхода. А потом она исчезла, и звук вернулся. Мои шаги снова стали отдаваться эхом от стен. Дождь снаружи снова стал просто дождём.

Я вернулся домой, сел за стол и записал всё в Архив. А потом добавил от себя: *«Там, под землёй, кто-то есть. Или что-то. И оно знает, что я здесь».*

Сон-видение

Той же ночью мне снова приснился сон. На этот раз я был не у Оперного театра. Я стоял на Плотинке, и вокруг не было ни души. Город был пуст — но не мёртв. Он дышал. Я чувствовал это — низкий, ритмичный пульс, словно огромное сердце билось где-то под землёй. Вода в Исети текла вспять,

и в ней отражались звёзды, которые не существовали в нашем небе.

И был Голос. Не слова — скорее, понимание, которое пришло ко мне как озарение.

Ты — мой Хранитель. Ты — тот, кто запишет мою историю. Тени сгущаются. Они придут. Будь готов.

Я проснулся оттого, что Грейс лизала мне руку. Перстень на левой руке был ледяным. Я сел на кровати и долго смотрел в темноту, пытаюсь осмыслить увиденное. Город говорил со мной. Не намёками, не через отца, не через тени — напрямую. И он сказал «они придут».

Я не знал, кто «они». Но я знал, что должен продолжать записывать.

Тренировка с ножом

На следующий день я достал нож, подаренный дедом. Шесть лет он пролежал в ящике стола — я иногда доставал его, вертел в руках, но никогда не использовал. Теперь, после сна и после того, что я видел в подземном переходе, я понял, что клинок может пригодиться.

Я вышел во двор. Грейс легла у крыльца, наблюдая за мной. Я встал в стойку, которую дед показал мне тогда, шесть лет назад, когда рассказывал о Грейсвандире. Ноги на ширине плеч, корпус чуть развёрнут, рука расслаблена. Клинок должен быть продолжением воли. Если воля тверда, кли-

нок не подведёт.

Я сделал выпад — неуклюжий, размашистый. Потом ещё один. Постепенно движения становились плавнее. Я вспоминал слова деда о грации, о том, что меч должен знать, куда лететь. И о том, что настоящая сила — не в стали.

Через час я выдохся. Грейс подошла ко мне и ткнулась носом в ладонь. Я погладил её по голове.

— Кажется, нам с тобой предстоит много работы, — сказал я.

Она фыркнула — коротко, одобрительно. И я понял, что она согласна.

Тени сгущаются

Где-то через месяц после визита деда я начал замечать, что город меняется. Нет, внешне всё оставалось прежним: те же улицы, те же люди, те же пробки на Малышева. Но что-то в воздухе стало другим. Словно добавили новый ингредиент в привычный рецепт — невидимый, но ощутимый.

Перстень стал холодать чаще. Не сильно, не так, как это будет потом, но достаточно, чтобы я начал записывать: *«Сегодня на перекрёстке Ленина и Восточной перстень похолодел. Причина неясна. Грейс насторожилась, но ничего не произошло»*. Или: *«Вечером, когда проходил мимо старого особняка на Куйбышева, перстень обжёг холодом. В окне особняка мелькнула тень, хотя дом давно заброшен»*.

Отец на мои расспросы отвечал уклончиво. Говорил, что Тень истончается, что Город просыпается, что я должен просто продолжать записывать. Но я чувствовал: он знает больше, чем говорит. И это злило.

Однажды я не выдержал.

— Ты говоришь, что я должен слушать и записывать. Но я не понимаю, что именно я слушаю! Кому принадлежат эти тени? Почему перстень холодеет в одних местах и молчит в других? Что вообще происходит с нашим городом?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.